

бягаючы якога даследчык спрашчае даследаванне аўтарскай паэтычнай сістэмы. Стылістыка мастацкага тэксту вывучае слоўна-стылістычныя структуры, якія выкарыстоўваюцца для выражэння пэўнага зместу. Для таго каб разуменне паэтычнага тэксту было поўным і глыбокім, выкарыстоўваюцца такія прыёмы стылістычнага аналізу, якія дазваляюць разглядаць твор у адзінстве яго фармальных і змястоўных элементаў. Стылістычны аналіз у якасці сваіх мэтаў дапускае вылучэнне аднаго з бакоў твора – формы альбо зместу, але, тым не менш, у выніку імкнення да разгляду гэтых катэгорый у дыялектычным адзінстве. Змест мастацкага тэксту не існуе па-за стылявымі формамі яго выражэння, а цэласнасць, адзінства твора вызначаецца фактарамі як змястоўнага, так і фармальнага ўзроўняў. Канчатковаю мэтаю стылістычнага аналізу з’яўляецца вызначэнне характару афармлення зместу, а таксама выяўленне эстэтычна значных структурна-стылістычных асаблівасцей мастацкага твора, таму прыёмы аналізу павінны накіроўвацца не столькі на моўныя факты, колькі на спосабы іх узаемадзеяння, арганізацыі. У гэтым выпадку ўвага акцэнтуюцца на структурных прынцыпах мастацкага тэксту, на моўных прыёмах як асноўных форматворчых канструктах. У якасці асноўнай і неабходнай перадумовы стылістычнага аналізу выступае лінгвістычны аналіз мастацкага тэксту, нягледзячы на тое, што ён няпоўна характарызуе ўласна мастацкую структуру тэксту, якая ствараецца за кошт спецыфічнай арганізацыі моўных сродкаў. На аснове лінгвістычнай характарыстыкі моўных сродкаў выяўляецца пэўны стылістычны прыём, вызначаецца і ацэньваецца роля кожнага моўнага элемента, які ў спалучэнні з іншымі элементамі ўдзельнічае ў стварэнні гэтага прыёму, а таксама структуры мастацкага тэксту ў цэлым. У гэтым рэалізуецца структурна-стылістычны метада аналізу мастацкага тэксту.

Владимир Капцев

Белорусский государственный университет

СТРАТЕГИЯ СОЗДАНИЯ МЕДИАМИФА (на примере Е. Евтушенко)

За последние полвека имидж писателя приобретает концептуальные черты. При этом всесторонний медиамиф основан на обоюдном интересе: СМИ видят в писателе медийную персону, писатель, в свою очередь, использует СМИ для самопрезентации. Личность Евгения Евтушенко – это попытка не только реализовать свой творческий потенциал через

новые творческие формы и актуальные темы в поэзии, но и первый осмысленный акт медийного мифотворчества, создание публичной поэтической биографии.

Евтушенко начинает создавать миф о себе с самого начала, изменив фамилию – Гангнус на Евтушенко (фамилия матери), год рождения – с 1932-го на 1933-й и место рождения – станцию Нижнеудинск на станцию Зима Иркутской области. Был исключен из Литинститута за поддержку романа В. Дудинцева «Не хлебом единым» в 1954 г.

Определяющая черта его имиджа – готовность быть постоянно на виду, моментально отзываться на текущие события. При этом медийная позиция Евтушенко – это постоянный активный поиск и создание ситуации, в которой он оказывается в центре внимания. Его миф о себе целиком основывается на публичности, когда творческая востребованность у читателя основывается на общественной и политической ролях поэта, его особом статусе в обществе: «поэт в России больше, чем поэт».

Здесь необходимо отметить актуальность поэтического слова, его документальность. Поэзия откликается на события в стране и мире практически одновременно с журналистскими сообщениями, однако у поэзии есть несомненное преимущество – своя особая гражданская традиция и экспрессивно-эмоциональный язык. Поэзию Евтушенко еще называют «поэтической журналистикой». Отклик не всегда был удачен в художественном плане, но имел огромный политический резонанс. Главный медийный парадокс Евтушенко не в том, что он создал поэзию «факта», приравняв ее к журналистскому репортажу, а в том, что его политическое лицо было разным в зависимости от события.

Миф о себе также строится на внутренней противоречивости, особой неуловимости поэтической личности: «Я разный – я нагруженный и праздный. / Я целе- и нецелесообразный. / Я весь несовместимый, неудобный, / застенчивый и наглый, злой и добрый» (1955). Два принципа для самомифологизации, которые всегда интересны для читателя и зрителя, даже далекого от поэзии, – быть внутренне противоречивым и готовым оказаться в центре события, в том числе скандального. Поэт целенаправленно культивирует свою исключительность и на бытовом уровне. Так, Н. Бианки, секретарь «Нового мира», вспоминала случай, когда Евтушенко в повседневной беседе серьезно сказал: «Представь на минуту, какой был бы кошмар, если бы я не родился».

Евтушенко с равным успехом удалось свой медийный потенциал реализовать и в Советском Союзе и на Западе, что крайне редкий слу-

чай. С начала 1960-х Евтушенко – один из самых «выездных» поэтов СССР (побывал в 94 странах), его произведения переведены на 72 языка. В 1972 г. дал интервью журналу «Playboy». Отметим, что поэт на протяжении всей своей жизни понимал, что индекс узнаваемости также обеспечивается появлением «лица» на обложке. Эту тенденцию можно проследить, начиная с первых поэтических сборников, а в последнее десятилетие данный вариант не имеет альтернативы. В свою очередь, СМИ также не обделили автора своим вниманием, тем самым признавая его статус «лидера мнений» и медиаперсоны в одном ряду с политиками, спортсменами, поп-идолами. Здесь следует назвать культовые общественно-политические издания в России и за рубежом: «Огонек», «The Times», «Чайка».

Популярность становится залогом для создания медийного имиджа. Яркий, эмоциональный Евтушенко на протяжении всей своей жизни был востребован в медиа и как «герой времени», и как ведущий авторских программ. В 2013 г., будучи больным, он не смог приехать на празднование своего 80-летия из США, но дал ряд интервью и принял участие в телемосте со своими российскими читателями. 19 сентября он выписывается из больницы, а уже спустя месяц становится героем очередного проекта – цикла «бесед с Соломоном Волковым», где, по собственному заявлению, готов «набраться смелости для самоисповедальности». В 2014 г. в серии «ЖЗЛ: Биография продолжается» вышла книга И. Фаликова с характерным названием «Евтушенко: Love story».

В одной из своих ипостасей он совмещает литературу и общественную деятельность, занимаясь целенаправленным «возвращением» русской поэзии (в рубрике «Антология русской поэзии 20 века» в «Огоньке» были впервые после долгого забвения опубликованы стихи репрессированных поэтов) или созданием ее целостного образа («Строфы века», сборник антологии русской поэзии в 4-х томах). Свою автобиографию он также представляет как поэтическую («Весь Евтушенко»), т. е. голос поэта-современника в поэтических документах эпохи. Главный принцип: биография поэта – это живое отражение времени, его потери и взлеты, запечатленные в поэтическом слове, которое дает возможность для поэта стать одним из главных «голосов» времени.

Евтушенко всегда отлично понимал, что медийная востребованность основывается на неординарном, эпатажном визуальном образе. Отсюда установка на яркие галстуки, «лоскутные пиджаки». Даже на I съезде народных депутатов Евтушенко вышел для выступления на трибуну в

белом костюме. Чтение стихов для Евтушенко – это эстрадный спектакль, своеобразный маленький перформанс, читать и слушать его – это две большие разницы. Он придает большое значение визуальному образу, выступлению в качестве поэта на телевидении, понимая, что это принципиально иная перспектива для завоевания аудитории и самопрезентации.

Можно сравнить Евтушенко – «телевизионного героя» – с другим шестидесятником на телевидении – Робертом Рождественским (программа «Документальный экран» в 70-е гг.), чтобы ощутить, насколько Евтушенко получает удовольствие от собственной харизматичности. В наше время «шестидесятников» называли бы представителями молодежной контр-культуры.

Его писательское творчество и медийная биография являются неделимыми. Е. Евтушенко умело играл роль героя эпохи и понимал, что именно медийная стратегия – это залог успеха у публики, возможность находиться в центре внимания, устраивая своего рода состязание с самим собой. В собственном мифотворчестве он создает медийные поводы подобно поэтическим текстам, которые выражают поэтическую рефлексию на политическое событие. Такого рода внутренний заказ обеспечивает как популярность и востребованность, так и гражданскую позицию Евтушенко-поэта.

Уход поэта из жизни стал безусловным медийным поводом в России и Беларуси, сообщение о его смерти выносилось на первую полосу. Большинство называли Евтушенко «классиком», «человеком-эпохой». Журнал «Story» в майском номере представил фото поэта на обложке и слоган: «Он первым был – и он ушел последним», называя его последним из поколения «шестидесятников». И в этой фактической ошибке, на которую мало кто обратил внимание (к примеру, еще живы Ю. Мориц, А. Гладилин), есть парадокс информационного общества, в котором медийная личность уровня Евтушенко не приемлет вторых ролей и концептуальна в мифотворчестве теперь уже со стороны медиа.

Е. Евтушенко так и остался «разным» в воспоминаниях и оценках многочисленных друзей и недругов. Но даже сейчас сложно сказать, что перед нами – живой образ поэта, его собственный миф о себе или результат медийного мифотворчества. В целом преломление традиции отношения к поэту в России как явлению исключительному и во многом судьбоносному для своего времени и своей страны.